
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ СТИХОТВОРЕНИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА «А.В. ПЛ<ЕТНЕ>ВОЙ»

Т.А. Гавриленко

Дальневосточный федеральный университет (филиал в г. Уссурийске)
Чичерина, 44, Уссурийск, Россия, 692500

В статье представлен анализ стихотворения Тютчева с привлечением евангельских текстов, работ русских религиозных философов, произведений А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, А.А. Фета, А.А. Майкова и самого поэта. Выявляются идейная позиция лирического субъекта и особенности образного мышления, что позволяет уточнить вопрос о месте поэта в литературном движении второй половины XIX столетия. Доказывается, что самосознание Тютчева, создавшего стихотворную адресацию, включает религиозную составляющую, участвующую в создании образов. В данном случае аргументируется предположение, согласно которому романтический канон творческого феномена с его идеалистической концепцией, сохраненный Тютчевым как верность традиции, дополнительно усилен характерными предпочтениями, выдающимися в авторе близость «чистому искусству». Автор приходит к следующим выводам: 1) стихотворение «А.В. Пл<етне>вой» декларирует приверженность идеям позднеромантической школы; 2) образный строй миниатюры сформирован триадой «мировоззрение — творчество — человеческий идеал»; 3) смысловой доминантой послания является убежденность в значении веры для православного человека, а для художника — в искусство, вдохновленного духовной красотой; 4) религиозная составляющая мироощущения лирического субъекта, проецируясь на широкий литературный контекст, составляет оппозицию «неромантическим» вариантам мировидения и житейской философии бытия.

Ключевые слова: мировоззрение, творчество, лирический субъект, художественный образ, романтический идеал, контекст, «чистое искусство»

Введение

Стихотворение «А.В. Пл<етне>вой», написанное в начале ноября 1870 г., до настоящего времени не вызывало исследовательского интереса в качестве предмета подробного рассмотрения. Между тем данный текст напрямую связан с несколькими актуальными для постижения поэтического наследия Тютчева проблемами. Одна из них — место стихотворения в творческой эволюции поэта. Запечатленные Тютчевым минуты тревожного неблагополучия и порой отчаянного разлада с миром — правдивые откровения совершаемые личностью, в полной мере осознающей не придуманный трагизм бытия, внутренней работы. Стихотворение «А.В. Пл<етне>вой» — один из возвышенных и отрадных ее результатов, отображающий обретение лирическим героем желанной гармонии.

Биографическая основа послания — взаимоотношения Тютчева с Александрой Васильевной, супругой, а затем вдовой ректора Петербургского университета П.А. Плетнева, — стала известна благодаря публикации Т.Г. Динесман. Исследователь обращает внимание на зашифровку посвящения при первом печатании стихотворения в январском номере «Русского Вестника» за 1871 г., называя также время установления адресата, произошедшее почти три десятилетия спустя [7].

Вторая проблема, акцентируемая текстом Тютчева, берет начало в замечании А.А. Григорьева, сделанном по поводу «глубокой религиозности» тютчевской поэзии [4. С. 15]. Формируя представления о носителе авторского сознания, образ которого воплотился в поэтическом наследии Тютчева, вряд ли можно не учитывать упомянутую проницательным критиком особенность, плодотворно изучаемую в продолжение последних десятилетий. В адресации «А.В. Пл<етне>вой» между мировоззрением лирического «героя» и «субъектом сакрального богообщения» несовпадений не наблюдается (в отличие от других отображенных Тютчевым ситуаций, для которых, по мнению Э.М. Афанасьевой, характерна данная закономерность [1]). Тем более важно обратить внимание на особенности художественных преломлений религиозных начал сознания, — если в данном случае перед нами столь идеальная его модель, объединившая Бога, человека и вдохновенного верой поэта. Отсюда вытекает еще один вопрос, на который внятно реагирует избранный для рассмотрения источник, — о предпочтениях Тютчева-романтика на фоне споров об искусстве второй половины XIX столетия.

Как выразительное обобщение, воплощенное в системе художественных образов, характер и содержание которых сопрягаются с православным вероучением, но при этом находятся в области искусства слова, стихотворение позволяет увидеть в нем определенные проекции человеческой сущности. Тютчев пишет о внутреннем преображении, о выходе из духовного тупика, о преодолении страданий, о значении веры и о духовных возможностях, ею подкрепленных. Одновременно он информирует о связи своего героя-поэта с литературной традицией и восхищается адресатом посвящения. Эмоциональная доминанта как ощущение полноты бытия поддержана несколькими проекциями веры: в искусство, вдохновенного духовной красотой, в Божественные начала мира, в человеческий идеал и притягательную силу сердечных проявлений личности.

Задолго до появления стихотворения (между 1834 и апрелем 1836) Тютчев без преувеличения достоверно запечатлевает подлинную силу горя в гипертрагическом противопоставлении, объясняя и очеловечивая неизбежную тяжесть переживаний: «Усопших образ тем страшней, / Чем в жизни был милей для нас» («Из края в край, из града в град...») [10. С. 85]. Поэт синонимически дублирует эти состояния, спустя годы именуя их то «болезненной греховностью», то «обмороком духовным», тяготясь ими и осознавая потребность в обретении душевного равновесия («Не знаю я, коснется ль благодать...», 1851 [10. С. 127]). Безысходность страданий запечатлена также в стихотворении «Нет дня, чтобы душа не ныла...», созданном в ноябре 1865 г. Высокий регистр передаваемой эмоции отмечен характерным «бессилием» слова и метафорическим нюансом, контрастно предвосхищающим иносказательные сигналы посвящения Плетневой.

В рассматриваемом тексте на героя Тютчева благотворно влияет понимающий, искренний, испивший ту же чашу страданий человек. Тесно связана с описанными впечатлениями о личных достоинствах некой женщины мысль о силе искусства, вдохновенного духовной красотой. Тем самым Бог, прекрасный духовно человек, — не просто созданный по образу и подобию Божьему, но осуществивший земное предназначение такового соответствия, — и отозвавшийся на это лири-

ческий персонаж предстают в тесной взаимосвязи земного и небесного, человеческого и Божественного. Искусство, призванное увековечить такого рода красоту, — поистине несокрушимая сила. Ощущая это вполне, тютчевский поэт самоотверженно запечатлевает свою убежденность, предъявляя ее как жизненную программу и наиважнейшую основу самосознания.

Контекстные контаминации образных структур

Вводя в обиход понятие «семиотическая гомология», Л.Г. Кихней правомерно ведет речь о мотивных, сюжетных и образных параллелях, возникающих «в результате совпадений» с другими текстами [5. С. 47]. Такого рода переключки, проясняющие культуругенез обобщений, позволяют комментировать явление встроенным в определенную «миромодель», увеличивая возможности интерпретаций. Семантика ключевых образов стихотворения интертекстуально связана как с областью религиозных представлений, подтверждаемых отсылками к евангельским текстам, так и с той литературной и культурной семиосферой, которая была естественным пространством коммуникативно-творческого бытия поэта. Не противостоя и не соперничая, оба диалогических пространства взаимодействуют между собой на различных уровнях иносказаний. Данный контаминирующий акцент открывает произведение, первые же строки которого составляют антитезу, апеллирующую и к вероучению, и к литературно-романтическим образцам: «Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса...» [10. С. 213]. Рассудок и опыт убеждают в необходимости воспринимать жизнь с рациональной стороны. Данный итог исключает возвышенные контакты с реальностью, но внутренне опустошает, испытывая веру на прочность. Первая строка — реминисценция распространенного суждения, прогнозирующего обретение «ума» в его практически-жизнейском значении, не предрасполагающем к романтическим проявлениям души. Вторая, обозначенная как антитеза, вводит ключевое для данного текста слово «верит», производного от «веры» — важнейшего в церковной лексике понятия и основного в религиозном сознании звена. Вера в чудеса, в том числе и в чудо духовного исцеления — также «смысловая валентность» культового обихода. Образ сердечной веры созвучен многим отображениям подобной сущности, оставленным стихотворными манифестами тютчевских поэтов-современников, где сердцу с его верой в мечту и красоту отводится главная роль в неисчерпаемых богатствах творческих откровений.

Апология сердечных возможностей, гармонизирующих внутреннее состояние индивидуума, а также важных для творящего субъекта, весьма созвучна проблематике одной из работ русского религиозного философа П.Д. Юркевича, опубликованной в начале 60-х гг. XIX столетия. Подробно комментируя свое несогласие с материалистами, но не отвергая известной роли материальной сферы, автор утверждает невозможность только с ее помощью объяснить загадку жизни и сущность бытия и отстаивает значение «задушевного», средоточием которого является человеческое сердце [12. С. 132]. Тютчевский образ, в свою очередь, акцентирует внимание на исключительном значении «сердца» в потребности гармоничного мироприсутствия, следствием чего становится творческий порыв высшего созидательного свойства.

Одновременно слагаемые антитезы подключают к своему прочтению активно представленный в поэтическом наследии материал, формирующий программу творческого самовыражения, апеллирующую к приоритетам «души» и «сердца». По существу, началом стихотворения Тютчев афористически вторит «профессиональной» мудрости А.С. Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман» [8. С. 487]. В различных ситуациях цитирования эта фраза, законченная по смыслу, как будто не нуждалась в продолжении. Завершение пушкинской строфы, между тем, выглядит весьма важным при сопоставлении с началом стихотворения Тютчева: «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» У Пушкина мысль о приоритете благородных порывов души конкретизируется с помощью условных противопоставлений, где отсутствие сердца — верный признак тирании, а его наличие — героических свойств. Подтверждающий авторские предпочтения в начале стихотворения Тютчева, указанный контекст «замкнет» его в композиционное кольцо с помощью героической образности еще раз, но уже в финале.

А.Г. Коваленко убедительно трактует характер лирического мышления Тютчева как интенсивно антиномичный [6. С. 106]. Отмеченная закономерность присуща и стихотворению «А.В. Пл<етне>вой», весь художественный строй которого, сотканный из оппозиций, нередко сопряжен с подобными структурами текстов-предшественников. Кроме привлеченного стихотворения Пушкина, Тютчев апеллирует к А. Фету, А. Майкову, Я. Полонскому, А. К. Толстому, поддерживая их приверженность мечте, противопоставляемой рассудку, и, наконец, к самому себе, 18-летнему автору послания «А.Н. М<уравьеву>»: «Нет места вымыслам чудесным, / Рассудок все опустошил...» [10. С. 41]. В исходном и конечном текстах, разделенных пятью десятилетиями творчества, поменялись местами части поэтических формул, с одной лишь разницей. Между юным и зрелым центрами притяжений — возможность многократно усомниться в «чудесных вымыслах». Однако, ироническая оппозиция «рассудку», первоначально поглощенная «перспективой» произведения, в адресации 1871 г. звучит как доказанное убеждение.

Поставленное в конец строки и дополнительно выделенное предвосхищением будущей рифмы слово «чудеса» дополнительно подключает — как одну из возможных интерпретаций — пушкинскую строку из «Руслана и Людмилы»: «Там чудеса, там леший бродит...» Внедрение пушкинской литературной сказочности служит подтверждением мысли о духовной миссии искусства. При этом сказочный вымысел не помешал Тютчеву признать поэму одним из лучших образцов искусства, — произведений, постигаемых еще в детские годы. Дополняя сказочную рецепцию, «младенческая» аллюзия расширяет границы поэтического обобщения и углубляет его смысл. Наивная детскость веры, пульсируя в убеждающей части усиленной анафорой антиномии, в свою очередь обращает к евангельскому тексту: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Матф. 18:3]. Вырастая на почве двух культур, литературно-светской и религиозной, поэтическое мышление Тютчева соответственно оформляет сильную позицию — начало стихотворения — новым афористическим симбиозом.

Отмеченная закономерность образного мышления присутствует и во второй части первого катрена, выделяющего в качестве приоритетов веры два: «Есть не скудеющая сила, / Есть и нетленная краса!» Поэтические формулы многомерны и первоначально также звучат интертекстуальным мотивом, вторя пушкинской поэме — произведению о богатырском могуществе духа, о верной любви, преодолевающей все преграды, и о красоте, неподвластной физическому уничтожению. Заметим, что в сказочном мире Пушкина Людмила и Спящая Царевна прекрасны внутренней, духовной красотой, в чем, собственно, и кроется главная причина победы над злом, одержанной, несмотря на всю их кротость и беззащитность. Возникающие ассоциации предвосхищают появление женского образа тютчевского текста, воплощенного в последних четверостишьях.

Второй текстовый источник, лексически и образно диалогичный с рассматриваемым фрагментом, принадлежит самому Тютчеву. Как ближайший и наиболее вероятный — стихотворение «Последняя любовь» с двойным словоупотреблением глагольной формы от эпитета «не скудеющая», где смыслом поэтической строки становится утверждение превосходства глубокого чувства над физическим угасанием: «Пускай скудеет в жилах кровь, / Но в сердце не скудеет нежность!» [10. С. 136]. Вместе с тем (и это будет еще один объект диалога) фраза Тютчева «Есть и нетленная краса!» напрямую связана с программной идеей «чистого искусства», широко представленной в поэтическом наследии сторонников позднеромантической школы — как вечно живая красота человеческой души, столь же вечно актуальная для художника. Но в данном случае конкретизируется один поэт — Фет, вовлекаемый Тютчевым в область сопрягаемых прочтений. Полагаем, не только по причине того, что он является, по всеобщему признанию, главным и самозабвенным певцом красоты, ее последовательным и деятельным заступником. Тютчев реагирует на кризисный, хотя и недолгий, момент творческой жизни, когда соратник по литературному труду всю тяжесть внутренней пустоты передает в характерном обобщении: «Не вижу и красы души твоей нетленной...» [11. С. 287]. Возражая, вырвавшийся за пределы сомнений герой Тютчева стремится убедить в обратном, — верой в духовные возможности личности. Вечно живая и животворящая красота человеческой души, центральная категория в координатах творческих задач «искусства для искусства», обозначенная эпитетом «нетленная» (никогда не становящаяся прахом), — лексема, пришедшей из церковного словоупотребления, в свою очередь, возвышенно акцентирует созданный поэтом образ романтического идеала, авторитетно подтверждая его значение.

Образные антиномии второго катрена также сопряжены с религиозным сознанием персонажа, но вместе с тем продолжают диалог с предпочтительной для Тютчева литературной концепцией человеческого бытия. Поэт разворачивает в более подробную картину смысловой финал предшествующего фрагмента, используя тот же принцип художественных противопоставлений, основанных на полярности земного и небесного. «Увядание земное» с широким спектром прочитываемых аналогий (от пушкинской строки «люблю я пышное природы увяданье» до «кроткой улыбки увяданья» и постепенного исхода, предначертанного живому существу, — у самого Тютчева в «Осеннем вечере») — составляет, кроме

того, противоположность «нетленной красе», запечатленной в последней строке первого четверостишья. А образ «неземных цветов», представляя собой синонимическое с ней созвучие, символизирует присущую романтической традиции поэтизацию духовных ценностей. Но данная творческая задача тесно смыкается с изначально отмеченными Церковью достоинствами внутренней жизни человека как богоугодными.

Присутствие литературной традиции обозначено несколькими проекциями, которые также созвучны: «Цветок» Пушкина, «Мотылек и цветы» Жуковского и «Осень» Майкова. Пушкин видит в засохшем цветке, случайно попавшемся на глаза, свидетельство когда-то проявленного человеческого чувства. Но видит и единое предопределение для незнакомых лирическому субъекту участников события — и цветущего растения, и человека: «Или уже они увяли, / Как сей неведомый цветок?» [8. С. 435]. Жуковский поэтизирует лучшие свойства души, отмеченные «бессмертья вестником, мотыльком», превращая их в символы неувядающего значения. В свою очередь, Майков наделяет мощной энергией противостояния неумолимому ходу времени память о живой красоте природы, воплотившейся в цветах весны, лета и осени, сохраняющих свое обаяние «в зимние ночи и дни». Смысл конструируемого Майковым диалога выходит за пределы собственно цветочной флористики и сезонной тематики: он — в созидательной силе «душевного цветения», высшее проявление которого — богатейшие возможности художественного творчества. Последние строки комментируемого четверостишья Тютчева (2-го катрена) олицетворяют вечную свежесть лучших свойств человеческой природы: «И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них». Запечатленные строфой испытания, разные по продолжительности, но равные по неизбежному итогу, таким образом, ничего не меняют в качестве духовных категорий высшего порядка.

Третья строфа, начало которой еще раз напоминает о «возвышающем обмане» Пушкина, указывает на исключительность веры в духовные свойства личности, в силу и красоту человеческой сущности, но при условии, согласно которому вера должна быть несомненной, всепоглощающей: «И эта вера не обманет / Того, кто ею лишь живет...». Завершает катрен мысль о жизни вечной, широко интерпретированной Тютчевым как с опорой на религиозные представления, так и на многочисленные образные дериваты данной акцентировки, воплощенные в творчестве и адресованные не подвергаемым девальвации духовным категориям. У Фета, например: «Этот листок, что иссох и свалился, / Золотом вечным горит в песнопеньи» [11. С. 100]. Запечатлевая ценности вечного свойства, беззаветно веря в их значение, художник участвует в противостоянии разрушительному ходу времени и обстоятельств.

Тютчеву необходимо еще раз повторить основную мысль предыдущего фрагмента, воплотив ее в строке «Не все, что здесь цвело, увянет». Поэт противопоставляет теперешнюю убежденность некогда пережитому собственным персонажем скепсису (см. строку стихотворения «Сижу задумчив и один...» «он быстро, быстро вянет — так...» [10. С. 82]). Кроме того, последняя строка звучит возражением известному суждению из притчи о кольце царя Соломона: «Все проходит, пройдет и это». Перефразировка почти дословная, такая явная, что невозможно

не угадать оригинал встроенной в текст мудрости, с которой полемизирует поэт: «Не все, что было здесь, пройдет».

Та же проблема счастья как полноты жизни и гармонии с миром, невозможных без веры, обладающей широким спектром смысловых проекций, решается путем полученной героем Тютчева возможности видеть осуществление идеала в конкретном человеке. Без двух последних четверостиший предшествующий текст, несмотря на присущую ему выразительность и несомненное обаяние, не выглядел бы завершенным:

И этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих
Умел, как вы, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Идея веры на этот раз уточняется выражением «*для немногих*» (курсив Тютчева — Т.Г.), широко представленном в поэтической инструментарии романтиков разных поколений [4]. Тютчевский поэт использует формулу для подтверждения родства с романтической традицией. Но пришедшее в поэтический словарь выражение связано с евангельским текстом, который гласит: «Много званых, а мало избранных. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» [Матф. 7:13]. «Не многие» — лексический антоним, превращенный в поэтическую антитезу, ставшую обозначением совершенной человеческой сущности, проявляемой в различных обстоятельствах и многократно представленной в искусстве поэтического слова. Непосредственный адресат «духовного кода» — современница поэта, не утратившая любви в страдании, обладающая редким даром искреннего понимания и сочувствия. В то же время строка «Чужие врачевать недуги / Своим страданием умел» — обозначение миссии поэта, — восходящий к уделу Христа эталон духовной состоятельности.

«Душу положил за други», следующая строка рассматриваемого катрена, важна не только как дополнительный факт евангельского присутствия, работающего на одну цель: восхищения адресатом за ее христианские добродетели: «Нет больше той любви, аще кто положил душу за други своя» [Ин. 15:13]. Героика военного мотива подчеркивает особую миссию, выполняемую «не многими» — ее жертвенный, самоотверженный характер. Оттенок мужества и силы духа, подобные тем, что присущи воинам на поле брани, создают атмосферу духовного подвига, совершаемого в будничной повседневности, которая так не располагает к «вере в чудеса». В данном эпизоде развития лирической эмоции мощным контекстным фоном еще раз пульсирует пушкинская строфа из «Героя», привлеченная нами в сопоставлении с начальными строками послания Тютчева. Мысль о подвижничестве обладающего *сердцем* человека тем самым формирует смысловое пространство стихотворения и через евангельский текст, и через обладающий человековедческой перспективой поэтический образ Пушкина.

Финальная строка, всегда особо важная для постижения стихотворного произведения, в полной мере созвучна рассмотренным акцентам, но при этом актуализирует в духовной миссии человека способность идти до конца в своей трудной, но столь отрадней для окружающих роли. Не только нести свой крест, для чего необходимы внутренние силы, но и достойно выдержать последний, самый тяжелый отрезок жизненного пути — эта задача, стоящая перед каждым, по мнению лирического персонажа Тютчева, идеально воплощается в его героине. Для сравнения: об умершем в Ницце цесаревиче Тютчев также скажет: «Он, претерпевший до конца...» [10. С. 173]. Но мысль о терпении «до конца» как бы двухсоставная, она включает в себе не только итоговое усилие, к которому, по всей вероятности, уже готовит себя герой Тютчева, вступивший в определенный период жизни. Обобщающее значение приобретают все предшествующие преодоления, выпадающие на долю каждого, — все то, о чем ранее, в 1850 г., поэт написал в стихотворении «Не рассуждай, не хлопочи...»: «Живя, умей все пережить...» [10. С. 118]. Тем самым последний образ адресации Плетневой, образ, совмещающий обстоятельства с процессом переживания («претерпевания») эпизодов судьбы, дополнительно выделенный посредством ритмического перебора, совмещает две перспективы. В ракурсе одной из них пока пребывают оба персонажа: и лирический субъект, и адресат, хотя именно лирический субъект интуитивно ощущает приближение к последнему рубежу, интерпретируя обе неизбежности с позиций православно-христианского сознания.

Для образного строя стихотворения «А. В. Пл<етне>вой» характерно множество созвучий с оформленной словом культурной памятью, значимых не в качестве прямых заимствований, но обусловленных сходством позиций авторов и социокультурных ситуаций [5. С. 48]. Построенное на антиномиях, послание активно апеллирует к подобного рода формам, накопленным культурной семиосферой. Но в данном случае вторая составляющая извечно присущего человеческому сознанию противоречия (1-я строка) преподносится в своем несомненном превосходстве — близкой персонажу, являясь для него благодетельной.

Заключение

Один из тютчевских современников, православный богослов, экзегет и публицист А.М. Бухарев считал связь искусства с религиозной верой органичным его свойством. Ведя речь о скрытом христианском смысле русской культуры, он видел в ее деятелях носителей религиозных взглядов, вследствие чего «творческие силы и идеи есть ... не что иное, как отсвет того же Бога Слова» [2. С. 223]. Религиозная основа мировоззрения лирического субъекта сопряжена с пониманием творческих задач. Ипостась художника в персонаже Тютчева, прочерченная заглавием-адресацией, вполне оправдывает себя, не обманывая ожиданий и многократно вовлекая в образные построения намеки на другие стихотворные тексты, характерно откликающиеся на центральный для эпохи Тютчева вопрос о единстве мировоззрения и творчества. В понимании творческого труда как раннеромантическая, так и позднеромантическая программы представляют поэта проводником Высшей воли. Контекстное прочтение стихотворения показывает его соот-

несенность с каждой из этих традиций, причем, проблема смысла жизни человека и поэта оглашена на уровне программной декларации, созвучной лагерю «чистого искусства».

Окруженное плотным фоном литературного диалога, стихотворение «присягает» его составляющим в неотделимом контакте от религиозных убеждений, преломленных в эстетических предпочтениях и образном строе. Не сказочная, а реальная женщина, притягательная внутренней красотой и силой противостояния жизненным невзгодам, поддерживает веру в человеческий идеал незаметным духовным подвигом, напоминая о призвании человека. Она дарит поэту драгоценные минуты озаренного верой подлинного счастья, когда он, прорвавшись сквозь тяжесть утрат, возрожденный сочувственным словом, продолжает вдохновенную борьбу за сердца людей. Возвышенная суть религиозной веры и выразительная символика евангельских текстов, соединяясь с освященными поэтической традицией художественными образами, превращает состояние души в гармонический эпизод созвучия с миропорядком. Мудрость искренней веры с ее непосредственной (детской) чистотой, сохраняемой зрелым сознанием, противопоставлена двум истинам: «житейской» и «соломоновой». Полемический пафос адресации — поддержка человека в его земной жизни Высшей волей, обусловившей искусство, вдохновленное духовной красотой. Вера в ценности непреходящего значения, превратившись в стержневое начало личности, дает ощущение полноты бытия и гармонии с окружающим — утверждает поэт.

Наблюдая над взаимодействием литературы и религии, основательный и глубокий комментатор русской поэзии XIX века философ и поэт В.С. Соловьев писал о «будущем свободном синтезе» между религией и искусством, об истинном искусстве, основанном не на «поглощении человеческого элемента божественным, а на их свободном взаимодействии» [9. С. 134]. Как тонкий ценитель и знаток Тютчева автор суждения вполне мог ощутить данную особенность в наследии поэта. Она обозначена в рассмотренном стихотворении, где истина принимается нераздвоенно цельным сознанием персонажа, не исключившим, но потеснившим на периферию «искушающие» моменты прозрений.

Соединяя вероучение с решением поэтических задач, Тютчев формирует образы вне религиозной догматики. Доверительно-частный характер обращения дистанцирует его от назидательности проповеднического канона, несмотря на совпадение личного опыта с догматами веры, а убеждающие интонации поэтической риторики не покидают пределов искусства слова. Небольшой по объему текст насыщен словами и выражениями из сферы культового применения («нетленная (краса)», «цветов не тронет неземных», «вера» и производных от него: «верит (в чудеса)», «эта вера (не обманет)», «эта вера (для немногих)», «благодать», «искушениях жизни», «любя, страдать»). Но церковная лексика, обнаруживая в персонаже Тютчева религиозное начало личности, встраивается в поэтический текст как равноправный участник образного мышления. «А.В. Пл<етне>вой» — примечательная веха на пути поэта. Здесь слились воедино освещенные верой программа жизни и задачи творчества. Среди манифестаций Тютчева этот «поздний» проявитель авторских симпатий выглядит завершающим, подводящим

итоги, звеном. Если «Silentium!» — о родстве душ, возможном за пределами слова, «Не то, что мните вы, природа...» — о живой душе, присущей естественной среде, то рассмотренная адресация — о верности традициям романтического искусства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьева Э.М.* Молитвенная лирика Ф.И. Тютчева. www.roman.by/r-71959.html. Дата обращения — 28.10.15.
- [2] *Бухарев А.М.* О Православии в отношении к современности. С-Пб.: Странник, 1860. 334 с.
- [3] *Гавриленко Т.А.* Формула «для немногих» в понятийных спектрах свободы и красоты // Гавриленко Т.А. Романтическая поэзия «чистого искусства». Уссурийск: УГПИ, 2011. С. 131—148.
- [4] *Григорьев А. И.С.* Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Русское слово. 1859. № 4. Отд. 2. С. 1—34.
- [5] *Кихней Л.Г.* К механизму образования интертекстуальных мотивов: мотивный комплекс волчьей травли в русской поэзии XX в. // Вестник Тверского Государственного университета. 2013. № 4. Серия Филология. Вып. 1. С. 46—59.
- [6] *Коваленко А.Г.* Поэтический мир и гармония контраста (Ф. Тютчев) // Коваленко А.Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века. М.: РУДН, 2010. С. 87—106.
- [7] Письма к А.В. Плетневой (1870—1872). Публикация Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. Л.: Наука, 1988. С. 556—562.
- [8] *Пушкин А.С.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 736 с.
- [9] *Соловьев В.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. 576 с.
- [10] *Тютчев Ф.И.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1980. 384 с.
- [11] *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. 752 с.
- [12] *Юркевич П.Д.* Философские произведения. М.: Правда, 1990. 672 с.

RELIGIOUS, PHILOSOPHICAL AND LITERARY CONTEXTS OF F.I. TYUTCHEV'S POEM «TO A.V. PL <ETNYO> VA»

T.A. Gavrilenko

Far Eastern Federal University (branch in Ussuriisk)
Chicherina, 44, Ussuriisk, Russia, 692500

The article presents an analysis of the poem of F.I. Tyutchev with the attraction of evangelical texts, works of the Russian religious philosophers, and such poets as A.S. Pushkin, V.A. Zhukovsky, A.A. Fet, A.A. Maykov and F.I. Tyutchev himself. The stress is laid on the ideological position of the lyrical subject and features of figurative thinking that allow specifying a question of a place of the poet in the literary movement of the 2nd half of the XIXth century. It is proved that the consciousness of Tyutchev who created the poetic addressing includes the religious component participating in creation of images. In this case, the assumption is argued according to which the romantic canon of a creative phenomenon with its idealistic concept kept by Tyutchev as fidelity of tradition is in addition strengthened by the

characteristic preferences that show the author's proximity to "Pure Art". The author arrives at such conclusions: 1) the poem "To A.V. Pl <etnyo> va" declares commitment to the ideas of the late-romantic school; 2) images of the miniature are created by the triad "outlook — creativity — a human ideal"; 3) the semantic dominant of the message is conviction in the value of belief for an orthodox person, and for an artist — in art, inspired by spiritual beauty; 4) the religious component of attitude of the lyrical subject interacts with a wide literary background and makes opposition to «unromantic» options of a world outlook and everyday philosophy of life.

Key words: outlook, creativity, lyrical subject, artistic image, romantic ideal, context, "Pure Art"

REFERENCES

- [1] Afanas'eva Je.M. *Molitvennaja lirika F.I. Tjutcheva* [Prayful lyrics of F.I. Tyutchev]. Available at: www.roman.by/r-71959.html (accessed October 28, 2015).
- [2] Buharev A.M. *O Pravoslavii v otnoshenii k sovremennosti* [About Orthodoxy in the relation to the present]. S-Pb.: Strannik [Wanderer], 1860. 334 p.
- [3] Grigor'ev A. I.S. *Turgenev i ego dejatel'nost'*. *Po povodu romana «Dvorjanskoe gnezdo»* [I.S. Turgenev and his activity. Concerning the novel «Noble Nest»]. *Russkoe slovo* [the Russian word], 1859, № 4, otd. 2. P. 1—34.
- [4] Gavrilenco T.A. Formula «dlja nemnogh» v ponjatijnyh spektrah svobody i krasoty [A formula «for the few» in conceptual ranges of freedom and beauty]. Gavrilenco T.A. *Romanticheskaja poezija «chistogo iskusstva»* [Romanticheskaya poetry of "pure art"]. Ussurijsk: UGPI [Publishing house of Ussuriysk state teacher training college], 2011, pp. 131—148.
- [5] Kihnej L.G. K mehanizmu obrazovanija intertekstual'nyh motivov: motivnyj kompleks volch'ej travly v ruskoj poezii XX v. [To the mechanism of formation of intertextual motives: a motivny complex of wolf persecution in the Russian poetry of the 20th century]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Messenger of the Tver State university] № 4, 2013. Serija Filologija [Philology series]. Issue 1, pp. 46—59.
- [6] Kovalenko A.G. Pojeticheskij mir i garmonija kontrasta (F.Tjutchev) [Poetic world and harmony of contrast (F. Tyutchev)]. Kovalenko A.G. *Očerki hudozhestvennoj konfliktologii: Antinomizm i binarnyj arhetip v ruskoj literature XX veka* [Sketches of art conflictology: Antinomianism and a binary archetype in the Russian literature of the 20th century]. M.: RUDN [Publishing house of the Russian Peoples' Friendship University], 2010, pp. 87—106.
- [7] Pis'ma k A.V. Pletnevoj (1870—1872). Publikacija T.G. Dinesman [Letters to A.V. Pletneva (1870—1872). Publication T.G. Dinesman]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 97* [Literary inheritance. V. 97]. Fedor Ivanovich Tjutchev. Kniga pervaja [Fedor Ivanovich Tyutchev. Book the first]. L.: Nauka [Science], 1988, pp. 556—562.
- [8] Pushkin A.S. Sochinenija v treh tomah. Tom pervyj [Compositions in three volumes. Volume first]. M.: Hudozhestvennaja literature [publishing house Fiction], 1985, 736 p.
- [9] Solov'ev V. Stihotvorenija. Jestetika. Literaturnaja kritika [Poems. Esthetics. Literary criticism]. M.: Kniga [publishing house Book], 1990. 576 p.
- [10] Tjutchev F.I. Sochinenija v dvuh tomah. Tom 1 [Compositions in two volumes. Volume 1]. M.: Pravda [publishing house However], 1980. 384 p.
- [11] Fet A.A. Stihotvorenija i pojemy [Poems and poems]. L.: Sovetskij pisatel [Soviet writer], 1986. 752 p.
- [12] Jurkevich P.D. *Filosofskie proizvedenija* [Philosophical works]. M.: Pravda [publishing house However], 1990, 672 p.